

СВОБОДНАЯ МЫСЛЬ – XXI

Теоретический и политический журнал

Открывая номер

-
МИР	В. ДАХИН — Политические аспекты экономической глобализации А. УТКИН — США в мире XXI века
-

ТОЧКА ЗРЕНИЯ	А. ВЛАДИСЛАВЛЕВ — Земля Отечества
-

ОБЩЕСТВО	Р. РОМОВ — РНЕ и «нация рабов» А. РАЗУМОВ — «Ум» и «сердце» моего современника
-

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ	«Модель партии XXI века»
-

ИСТОРИЯ	«Завещание Плеханова» Т. ФИЛИМОНОВА — «Документ составлен нашими современниками» ◉ А. ЧЕРНОБАЕВ — Артефакт завещания ◉ С. ТЮТЮКИН — Своеобразный историографический феномен ◉ М. ГРЕЦКИЙ — Попытка осмыслить новые процессы ◉ Е. ПЕТRENKO — Вольная интерпретация подлинных текстов
-

ЧЕЛОВЕК И ВРЕМЯ	Н. БИККЕНИН — Как писать мемуары, или Двойной автопортрет
-

АРХИВ	А. КОКУРИН, Н. ПЕТРОВ — ГУЛАГ: структура и кадры
-

КНИГИ. Коротко о книгах

ИНФОРМАЦИЯ. Книжная полка

«ЗАВЕЩАНИЕ ПЛЕХАНОВА»

ФАЛЬШИВКА ИЛИ ДОКУМЕНТ ЭПОХИ?

30 ноября 1999 года «Независимая газета» опубликовала ранее не известное «Политическое завещание» Георгия Валентиновича Плеханова. Документ был передан в газету нашим соотечественником, проживающим в настоящее время за границей, кандидатом физико-математических наук Н. Нижегородцевым. В его руки оно попало от Г. Барышева (преподавателя теоретической механики и спромата в Липецком строительном техникуме, где в 50-х годах учился Нижегородцев), по словам самого Барышева, — дальнего родственника старшей сестры Плеханова Любови Валентиновны. Барышев и рассказал Нижегородцеву о том, что в апреле 1918 года умиравший от туберкулеза, прикованный к постели Плеханов продиктовал своему старому другу, видному деятелю меньшевистской партии Л. Дейчу «Политическое завещание». Оно нигде и никогда не публиковалось и долгие годы хранилось у племянника Плеханова — С. Плеханова. В конце 1937 года, отбывая срок в одном из лагерей в Сибири, тот встретил Барышева и, предчувствуя близкий конец, передал ему (или сказал, где находятся) зашифрованное «Завещание» и некоторые другие документы, раскрыв ключ к расшифровке.

В 50-х годах Барышев расшифровал «Завещание» и хранил его до последних дней жизни. Нижегородцев, тесно и доверительно общавшийся с Барышевым, получил в сентябре 1960 года разрешение прочитать «Завещание» и сумел переписать его. Потом он познакомился еще с одним документом — «Историей написания Завещания», записанной С. Плехановым со слов Дейча 30 июня 1918 года. Подробно вся эта история изложена в статье Нижегородцева «Как этот документ попал в мои руки», опубликованной «Независимой газетой» вместе с «Завещанием» и «Историей написания Завещания». Сам документ Нижегородцеву не удалось разыскать (Барышев умер в 1974 году), он опубликован по сделанной им еще в студенческие годы записи.

Г. Плеханов — слишком крупная фигура в социально-политической истории России, чтобы оставить без внимания как будто бы выраженную им в «Завещании» его последнюю волю — волю политического деятеля, принимающего на себя ответственность за поражение социал-демократической традиции в России. И В. Третьяков (главный редактор «Независимой газеты»), и А. Бережанский (директор Дома-музея Г. В. Плеханова в Липецке, готовивший комментарии и примечания к документу) неоднозначно оценивают его подлинность. Впоследствии свои аргументы «за» и «против» на страницах печати высказали Г. Попов, М. Коллеров и другие.

Продолжить обсуждение этой темы побуждает несколько моментов. Во-первых, требует осмысления сам факт существования «Политического завещания», неизвестного ни родственникам, ни единомышленникам, хранившим архивы, документы, письма Плеханова, на протяжении многих лет популяризовавшим его творчество, стремившимся в полном объеме представить все нюансы его мыслей. Во-вторых, требуют ответов вопросы: какие целиставил перед собой Плеханов, если он действительно обращался к будущей социал-демократии России? Что побудило его к этому? Неверие в социалистическую оппозицию большевизму в лице меньшевиков и эсеров? Желание высказать свое отношение к Октябрю 1917-го? Потребность еще раз осудить Ленина и большевизм? Или Плеханов пришел к новому, неожиданному для самого себя пониманию социализма, марксизма, революции и хотел перед смертью рассказать о нем? Или же он стремился утвердить себя в мысли, что социалистическая перспектива и социалистический выбор не погибли в России, что они найдут новое воплощение в социал-демократической практике грядущих поколений российских реформаторов? В-третьих, если мы имеем дело с фальсифицированным «Завещанием», то кому понадобился этот подлог? Какие моменты личной судьбы и творческие идеи плехановского наследия могут привлечь и заинтересовать наших современников, живущих во времени на коренной переоценки всех прежних представлений об образе и облике социализма, его ценностей и идеалов?

Ответить на эти и многие другие вопросы, связанные с публикацией «Завещания», редакция «Свободной мысли-XXI» попросила нескольких российских ученых, не один год занимающихся исследованием жизни и творческого наследия великого русского мыслителя, политического деятеля и революционера.

Татьяна
ФИЛИМОНОВА «ДОКУМЕНТ СОСТАВЛЕН
НАШИМИ СОВРЕМЕННИКАМИ»

Мне пришлось неоднократно обращаться к теме подлинности «Политического завещания» Плеханова уже в период подготовки этого документа к публикации (сначала он был предложен газете «Известия», а потом — «Независимой газете»), а также после его появления на страницах «НГ». Мое мнение по этому вопросу не изменилось и сегодня, хотя последние несколько месяцев мои коллеги и я весьма серьезно пересматривали и взвешивали все аргументы «за» и «против», которые могли бы служить подтверждением или опровержением этого удивительного события — появлением спустя 82 года не известного практически никому политического манифеста Плеханова, обращенного к будущим поколениям российской социал-демократии.

О фактах, опровергающих подлинность документа, мне доводилось говорить неоднократно. Повторю еще раз принципиально важные, на мой взгляд, аргументы.

Каких-либо сведений о существовании «Завещания» сотрудники Дома Плеханова (всех поколений) не имели; нет упоминаний о нем и в архиве вдовы Георгия Валентиновича Р. Плехановой, хранящемся в Доме Плеханова в Петербурге. Ничего не знают об этом документе и родственники Плеханова, с которыми наш Дом поддерживает дружеские отношения.

В Доме Плеханова (фонд 1093) хранятся документы, имеющие пометку Р. Плехановой «Последние мысли Жоржа». Они существенно отличаются и по объему, и по смыслу от опубликованного «Завещания». Собственно завещание касалось скромного капитала в 2 тысячи франков (облигации на эту сумму хранились в Женевском казначействе), библиотеки и личных вещей, а также прав на его литературное наследие. Оно состояло всего из нескольких строк и было продиктовано Плехановым 1 мая 1918 года. Его наследниками стали вдова и дочери Лидия и Евгения (документ хранится в Доме Плехановых в Петербурге). Среди документов, похищенных из парижской квартиры Бато-Плехановых в середине 50-х годов, «Завещания» также не было.

Если бы такое «Завещание» действительно существовало, то о нем должна была, безусловно, знать Р. Плеханова — жена, единомышленник и друг, неотлучно находившаяся возле Георгия Валентиновича в последние месяцы его жизни. Непонятно поэтому, чем мог руководствоваться племянник Плеханова, С. Плеханов, хранивший этот документ у себя и не передавший его семье Р. Плехановой, с которой он и члены его семьи поддерживали контакт. Не ясна в этой истории и роль Л. Дейча. Невероятно, что постоянно и близко общаясь с Р. Плехановой в течение 23 лет (Дейч скончался по дороге в эвакуацию в 1941 году), занимаясь вместе с ней публикаторской деятельностью и являясь одним из основателей Дома Плеханова, он скрыл информацию о столь важном документе. Кстати, у него была возможность переправить «Завещание» во Францию, куда Дейч был командирован в 1922—1923 годах для переговоров с наследниками Плеханова о передаче СССР архива и библиотеки Георгия Валентиновича. Добавлю, что в архиве самого Дейча (фонд 1097 в Доме Плеханова) нет никаких следов его участия в составлении этого документа. Помимо этих соображений не могу не сказать и о том, что в апреле 1918 года Плеханов вообще вряд ли был в состоянии продиктовать такой

большой текст (27 страниц), поскольку в это время уже почти не мог говорить (Георгий Валентинович страдал туберкулезом горла).

Я не сомневаюсь, что документ, опубликованный как «Политическое завещание», составлен нашими современниками, а не Плехановым. Об этом свидетельствуют его структура, тематика, стилистика, лексика, хотя многие мысли, цитаты из плехановских произведений в нем и присутствуют. В тексте, опубликованном «Независимой газетой», слишком много пассажей на злобу сегодняшнего дня, нехарактерных для Плеханова и его поздней публицистики терминов и выражений, которыми пестрят наши газеты и журналы. Это, например, встречающиеся в тексте публикации отнюдь не плехановские, а чисто современные газетные клише типа «таможенная политика должна стимулировать российского производителя и способствовать повышению качества российского товара», «долгосрочная аренда — бесплатная для россиян и платная для граждан других стран — вот единственная форма землепользования на ближайшие десятилетия», «интеллигенция как наиболее образованная strata общества призвана нести в массы просвещение, гуманные и прогрессивные идеи. Она — часть, совесть и мозги современной нации» и пр. Современной обстановкой в России явно навеяно и следующее место «Завещания»: «России нужны консолидация политических сил, многоукладность во всех сферах производства, частная инициатива, капиталистическая предприимчивость, конкуренция, без которых не будет качества и технического прогресса, справедливая политическая надстройка, демократизация и гуманизация». Такие термины, как «многоукладность», «гуманизация», «межнациональные конфликты» и т. п. в словаре Плеханова-публициста отсутствовали.

В разделе «О Ленине и других кривых вожаках» явно ощущается влияние написанного несколько лет спустя ленинского «Письма к съезду» с его знаменитыми критическими характеристиками ближайших соратников-большевиков. Все, что нам известно сегодня об отношении Плеханова к В. И. Ленину, исключает оценку последнего как «великой личности», хотя его выдающиеся способности Георгий Валентинович не раз признавал. Вряд ли Плеханов счел бы необходимым специально останавливаться на характеристиках Л. Каменева и Г. Зиновьева, в которых он никогда не видел крупных политических деятелей, или пророчествовать по поводу роли совершенно не знакомого ему Н. Бухарина как возможной «ведущей фигуры большевистской диктатуры» после смерти Ленина. И повторяю: подобных несообразностей в опубликованном тесте «Завещания» более чем достаточно. Кроме того, в тексте присутствуют ленинские характеристики Л. Троцкого, ставшие известными только в 1924 году (на это, кстати, обращает внимание Г. Попов в статье «Георгий Плеханов и его политическое завещание», опубликованной в «Независимой газете» 1 марта 2000 года).

Все эти факты свидетельствуют о том, что перед нами не подлинный документ. Цели его фальсификации пока не очень ясны. Фигура Плеханова вряд ли может стать разменной монетой в борьбе за власть в сегодняшней России. Скорее речь идет о перспективе. Плеханов может быть интересен нашим современникам как основатель российской социал-демократии, критиковавший теорию и практику большевизма, как оппонент Ленина. Плеханов предлагал иное видение и прочтение классического марксизма, теории пролетарской революции и движения к социализму, чем то, которое возобладало в России в образе кодифицированного под ленинизм (позднее — сталинизм) политического авторитаризма. Возможно, наследие Плеханова сегодня интересно в той мере, в какой оно может определять стратегию стремящихся к консолидации социал-демократических сил в России, пока еще не очень отчетливо артикулировав-

ших свои теоретические позиции. Но даже эта цель не оправдывает используемые для ее достижения средства — фальсификацию истории, искажение фактов, забвение правды о Плеханове.

Анатолий ЧЕРНОБАЕВ АРТЕФАКТ ЗАВЕЩАНИЯ

Документальные памятники особенно ценятся историками за их достоверность. Именно документы являются непосредственными свидетелями явлений и событий. Но все письменные источники можно подразделить на подлинные (непосредственное отражение того или иного события) или повествовательные (нarrативные) исторические источники (отражение факта как впечатления, которое это событие произвело на современников или потомков). Классификация источников по виду не связана с решением проблемы их достоверности, относительно достоверны не только сведения нарративных источников, но и документальных памятников. Во многих документальных источниках можно обнаружить и сознательное искажение или тенденциозно подобранные сведения, и присутствие терминологии, историческая реальность которой не подтверждается.

Любой документальный письменный памятник создается как интерпретация факта, события, явления. Это всегда интерпретация определенного события, которая приобретает и инструментальный характер, влияет на настроения, стремления людей. Примерами такой инструментальной функции источника можно считать и целенаправленный подбор фактов, и сознательное замалчивание их. Короче, понятие достоверности — одна из центральных проблем источниковедения. Историки много спорят о возникновении и содержании самого понятия «достоверность», соотношении достоверности и подлинности, о приемах проверки достоверности. Но сегодня все чаще звучит мысль о том, что источник субъективен, свою достоверность он приобретает лишь после использования его историком для подтверждения или опровержения своей концепции.

В этом смысле проблема подлинности и достоверности документа, названного его публикаторами «Политическое завещание (последние мысли Г. В. Плеханова)», — во многом проблема интерпретации. С чем мы сталкиваемся, когда речь заходит о Плеханове? С самыми различными, подчас противоречивыми характеристиками его как теоретика, как политика, как человека.

Плеханов — первый русский марксист, последовательно верный буквe учения Маркса и Энгельса о неизбежности всеобщего кризиса капитализма и как его кульминации — социалистической трансформации общества промышленного капитализма силами пролетариата западноевропейских стран, политической борьбой его авангарда — марксистской партии. Он сторонник европеизации России, ее вхождения в индустриальную цивилизацию и европейскую культуру. Им был выдвинут тезис о необходимости социал-демократической стратегии в рабочем движении России: Россия должна развести «демократическую» и «социалистическую» парадигмы революционных преобразований. Идею овладения властью в Февральской революции (как, впрочем, и в революции 1905—1907 годов), использования этой власти для социалистического преобразования общества Плеханов считал преступлением перед делом политического освобождения России и перед делом социализма. По его убеждению, только пройдя

школу демократии, пролетариат подготовит себя к социалистическому строительству. После октября 1917 года Плеханов высказывался за демократический парламентаризм как прообраз политического устройства России.

Но от теоретика Плеханова идет и утвердившееся в российской социал-демократии негативное отношение к крестьянству, закрепляется представление о просветительской, организующей роли партии, вождя по отношению к движению. Многие исследователи считают, что у истоков понятия «диктатура партии» стоит Плеханов, а не Ленин.

Следовательно, выяснение вопроса о том, какие именно мысли признать мыслями «подлинного» Плеханова, зависит от тех, кто читает Плеханова, оценивает его аргументы, размышляет о продуктивности плехановских идей для современной России. И «Политическое завещание» настораживает как раз тем, что в этом тексте можно прочесть все то, что кому-то хотелось бы прочесть у Плеханова сегодня — и о научном социализме как эффективном инструменте познания общественной реальности XX века, и о ленинизме и большевизме как антитезах научного социализма, и о пересмотре Плехановым концепции диктатуры пролетариата, и о заблуждениях и ошибках Ленина и его соратников, и о вере в социал-демократическое будущее России; есть в нем и обращение к политикам новой формации. Все эти мысли скреплены цитатами, фрагментами из работ Плеханова 1916—1917 годов (большую часть занимают фрагменты из вышедшего в Париже в 1921 году и до сих пор не переизданного в России двухтомника «Год на Родине»).

Моя коллега Т. Филимонова, директор петербургского Дома Плеханова, уже указывала на неточности и ограхи композиции «Завещания», на несоответствие истории его написания и хранения реальным фактам. У меня создалось сходное впечатление. Очевидно, мы имеем дело не с завещанием, а с артефактом завещания — желаемое выдается за действительное. Плеханов своей жизнью, позицией, отношением к России, к революции утверждал некий идеал — идеал независимости, свободомыслия, умения не подстраиваться под обстоятельства, быть верным идее, не гнуться перед авторитетом силы, власти, догмы. Действительным авторам «Завещания», видимо, хотелось «наполнить» эту жизненную позицию и теоретическим содержанием, хотелось показать, что логика мышления Плеханова, все его творчество нацелены на создание отличной от большевистской трактовки образа марксистского социализма, который и может стать проектом реально социалистических преобразований России в XX веке. Такой мне представляется задумка авторов.

По-видимому, текст «Завещания» — в чем-то подлинный. Наверное, существовал, говоря современным языком, некий дайджест парижского издания «Года на Родине», который в 30-е годы вполне мог сойти за антисоветскую листовку; может быть, этот текст действительно был зашифрован, а потом и расшифрован. Возможно, постепенно сложилась легенда, что это не текст книги, а нечто более важное — текст обращения, завещания-манифеста, политического заявления. Вероятно, именно под этим углом зрения документ и подвергался переделкам (теми ли, кто его хранил, позднее ли — нам неизвестно).

Знаковым является сам факт: мы сталкиваемся с новым примером исторической фальсификации, которых было немало в советский период отечественной истории. Проблема фальсификации исторического источника представляет немалый интерес для историка (в связи с этим мне вспоминается очень содержательная монография В. А. Козлова «Тайны фальсификации» (М., 1996), посвященная этой теме). Важно иметь в виду, что любая фальсификация исторического источника — не просто авторский вымысел. Подделка никогда не появляется случайно. Ее автор пред-

ставляет нам свое произведение как доказательство определенных представлений о событиях, ситуациях, исторических личностях. Мотивы, толкнувшие к фальсификации «Политического завещания», к созданию нового источника, можно объяснить стремлением обнаружить новые моменты, штрихи к истории общественных движений России XX века. Поэтому «Политическое завещание» следует рассматривать и характеризовать как источник по плехановедению, но источник, характеризующий время его создания, а не время жизни и деятельности Плеханова. Документ, названный «последними мыслями» Г. Плеханова, — это источник, свидетельствующий о своеобразии восприятия истории социалистических реалий в Советской России эпохи Ленина и Сталина, о попытке дистанцироваться от упрощенных оценок и трактовок идеи неизбежности социалистического выбора России.

Есть и еще один аспект изучения подделок исторических документов — анализ технологий их изготовления и разоблачения. С этой точки зрения было бы интересно взглянуть на подлинник документа, названного «Политическим завещанием», детально сопоставить его текст и материалы, которые использовались при работе над ним, классифицировать внешние признаки, позволяющие говорить об этом источнике как исторической фальсификации. Частично эти вопросы уже затрагивались; но детальное фактологическое исследование — еще впереди, когда сам документ станет доступным для исследователей. Пока перед нами публикация, но не сам источник.

Станислав
ТЮТЮКИН

СВОЕОБРАЗНЫЙ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Документ, названный «Политическим завещанием» Г. Плеханова, — это своеобразный культурный, историографический, источниковедческий феномен. Он наглядно показывает, какую роль играют исторический источник, историческое знание в тот или иной период развития общества. Люди, обращающиеся к истории, могут мифологически воспринимать то или иное событие, ту или иную ситуацию, ту или иную персоналию. Интерпретация фактов, событий, поступков, биографий, сложившаяся на основе изучения подлинных и достоверных источников, дополняется вымыслами, желаемое выдается за действительное. В этом случае подлог (вольный или невольный) очень трудно разоблачить, более того, он получает концептуальное обоснование.

В тексте «Политического завещания» мы находим то, что многие из нас хотели бы почерпнуть у Плеханова как первого русского марксиста — пророчество судьбы социализма в России, имена палачей и жертв революции, в корне изменившей взгляд на марксистский социализм в сегодняшнем мире. Но мог ли эти жесткие оценки продиктовать сам Плеханов? Вот вопрос, интересующий историка общественной мысли.

Я много размышлял над опубликованным текстом. Его пассажи мне знакомы. Это — мысли из плехановских статей, вошедших в двухтомник «Год на Родине», и газеты «Единство», а также из посвященных Плеханову публикаций П. Аксельрода, А. Потресова, Б. Николаевского и др.; это аргументы Л. Мартова, Ф. Дана, В. Чернова, М. Вишняка в их спорах о

ТЮТЮКИН Станислав Васильевич — главный редактор журнала «Отечественная история», главный научный сотрудник Института российской истории РАН, профессор, доктор исторических наук.

демократической гуманистической перспективе социалистической трансформации России, о будущем Советской России и СССР. Эти рассуждения были близки и понятны Плеханову, многое и очень существенное было сказано еще при его жизни.

В то же время многие мысли «Завещания» не укладываются в логику рассуждений, в ту систему доказательств, которая характерна для мышления Плеханова, для всего его творчества. Две главные идеи документа — идея отказа от учения о диктатуре пролетариата и признания интеллигентии гегемоном будущих социалистических преобразований и идея гуманизации истории, понятой как движение общества к социализму, — не могут принадлежать Плеханову. Говорю об этом с полной ответственностью, основываясь на тщательном исследовании практических всех работ Плеханова, его эпистолярного наследия, фактов его политической биографии. Творчество Плеханова — это размыщение над опытом русских революций. Осмысление этого опыта не утвердило Плеханова в верности истин, аналогичных тем, к которым пришли, например, К. Каутский и Э. Бернштейн, — о необходимости локализовать сферу применения марксистского анализа, ограничить действенность его классических теоретических положений географическим пространством и историческим временем господства экономических, социальных, политических, духовных отношений и ценностей эпохи промышленного капитализма.

Судьба отпустила Плеханову шестьдесят один с половиной год жизни. Однако в них вместилось множество событий. Он пережил три войны, три революции, трех царей, был современником Ч. Дарвина, К. Маркса, Л. Толстого, П. Чайковского, О. Бисмарка и У. Черчилля. Среди его знакомых были Ф. Энгельс, К. Каутский, Р. Люксембург, Ж. Гед, П. Лавров, П. Кропоткин, Л. Мартов, Л. Троцкий. Плеханов встречался с Л. Тихомировым, Е. Азефом, Г. Гапоном. Как человек Плеханов был натурой сложной: сухой, сдержаный, аскетичный, глубоко порядочный. Но были в его характере и такие черты, как вспыльчивость, раздражительность, капризность, болезненное самолюбие, стремление постоянно подтверждать свое превосходство над окружающими. Не случайно сестра Мартова Л. Цедербаум, близко общавшаяся с Плехановым в начале века, называла его «великим человеком с огромным количеством мелких черт», хотя и признавала его огромную эрудицию и подлинный европеизм. Эмиграция, вероятно, спасла Плеханову жизнь, но за это ему пришлось заплатить дорогую цену — его огромный талант остался во многом невостребованым. Не исключено, что, останься Плеханов на родине, он, возможно, пришел бы к более органичному синтезу учения Маркса и русской революционной традиции. Но марксизм он пропагандировал почти с религиозным неистовством, видел в нем вершину в развитии мировой социально-политической и философской мысли. Проблемы какой-то специальной адаптации марксизма применительно к специфическим условиям России для Плеханова практически не существовало. Он был убежден в незыблности западной ориентации России со времен Петра I, верил в преходящий, временный характер ее исторического отставания от развитых капиталистических стран, верил в историческую миссию капитализма как важного фактора приобщения России к европейской цивилизации. Возвратившись из эмиграции в 1917 году, Плеханов увидел, как еще мало сделано в этом направлении, как много в России еще дикости, азиатчины, но каких-либо концептуальных изменений в его подходе к вопросу о применимости марксизма к российской действительности за этим не последовало. Ленин, который все же пытался применить марксистскую теорию революции в условиях России, был в глазах Плеханова отступником от марксизма.

Существовал и еще один важный вопрос — вопрос о корректировке

взглядов Маркса и Энгельса применительно к реалиям XX века. Плеханов, вслед за Марксом и Энгельсом, расставшимися в конце жизни со многими максималистскими революционными увлечениями юности, не мог не уловить, что жизнь не подтвердила марксистские прогнозы середины XIX века о возможности сравнительно быстрого перехода от капитализма к социализму на основе действия механизмов абсолютного обнищания трудящихся, пролетаризации населения, катастрофических кризисов перепроизводства и насильственного разрушения старого общественного строя. Отсюда — предельная осторожность прогнозов Плеханова, его отказ от идеи недолговечности российского капитализма. Плеханову были чужды новации в интерпретации движения к социализму. Он не задумывался о новых механизмах перехода к демократическим преобразованиям, об использовании смешанных форм экономики, о государственном капитализме и государственном социализме, о возможных ставках на антиколониальные движения, о разрыве с традициями парламентаризма и пр.

Труднее говорить о политике. «Завещание» приписывает Плеханову сознательный отказ от борьбы с Лениным. Но в данном случае акценты явно смещены. Как политик Плеханов был слаб, его переигрывал не только Ленин, но и значительно более посредственные люди. Он был лишен черт харизматического лидера, не был фанатиком, авантюристом, демагогом или политическим гешефтмакером. За ним не стояли преданные ему боевые отряды или финансовые группы. Наконец, в силу многих обстоятельств он не сумел стать вождем сильной политической партии или группы, без чего серьезный политический успех в XX веке практически невозможен. Обжегшись на бакунизме, Плеханов тяготел в дальнейшем к более взвешенным и осторожным решениям. Как и любой политический деятель, он был вынужден в какие-то моменты своей жизни приспосабливаться, менять тактику, оценки. Масштабы неординарной личности Плеханова, бесспорно, определили его политическую позицию — «по ту сторону» и от большевизма, и от меньшевизма. Меньшевики близки Плеханову признанием примата экономики над политикой, объективного над субъективным, класса над партией. Большевики унаследовали плехановское «якобинство», идею гегемонии пролетариата, тягу к строгой партийной дисциплине, признание роли революционного подполья. Плеханов действительно стоял у истоков российской социал-демократии, дав жизнь и большевистскому, и меньшевистскому течениям, но он сохранил и свое собственное политическое лицо.

Позиция Плеханова после 1917 года показала: он чувствует ответственность за судьбу России, не приемлет социального экспериментаторства. Плеханов отказался поддержать как победивших большевиков, так и их противников, готовых утверждать свою правоту с помощью штыков. Он не захотел быть ни экстремистом, ни анархистом в революции. Трагически переживал Плеханов невозможность остановить катастрофу надвигающейся Гражданской войны.

Итогом размышлений Плеханова о революции можно считать его слова, обращенные к А. Потресову: «Мог ли я думать, что моя проповедь научного социализма приведет ко всему тому, что говорят и делают сейчас» («Встречи с прошлым». Вып. 6. М., 1988, стр. 80). Но главным результатом его исканий стала убежденность, что в России, страдающей не столько от «избытка капитализма», сколько от его недостаточного и деформированного развития, без буржуазной цивилизации и буржуазной демократии (со всеми их изъянами и пороками), на одном бунтарстве, патриархальном коллективизме «снизу» и насилии «сверху» социализм построить нельзя. Эта позиция не нуждается в дополнениях и комментариях.

Плеханов тяжело переживал судьбу России; он умирал, осознавая масштабы развертывающейся политической и социальной трагедии. В «Завещании» есть слова: «Я скорблю о России». Думаю, это действительно лейтмотив последнего года его жизни. Уверен, что взгляды и идеи Плеханова — мыслителя, ученого, гражданина дают сегодня немало поводов и аналогий для переосмысливания опыта социалистических преобразований российского общества. Подтверждением может служить, как мне кажется, и текст, представленный как «Политическое завещание» Плеханова.

**Мицкій
ГРЕЦКИЙ** ПОПЫТКА ОСМЫСЛИТЬ
 НОВЫЕ ПРОЦЕССЫ

«Политическое завещание» Плеханова, продиктованное им, как сообщают хранители документа, незадолго до смерти, — документ в высшей степени замечательный. Если отвлечься от соображений о возможности подделки, то, во всяком случае, перед нами материал, свидетельствующий об огромных усилиях автора по-новому осмыслить действительность. Если этот документ действительно принадлежит Плеханову, то мы встречаемся с новым Плехановым, не известным большинству из нас (ведь его последние работы, собранные в двухтомник «Год на Родине» и изданные в Париже почти 80 лет назад, забыты сегодня исследователями и мало известны широкому кругу читателей).

Правда, он признает себя марксистом-диалектиком, солидаризируется с главной мыслью «Манифеста Коммунистической партии» Маркса и Энгельса о том, что «уровень материального производства определяет классовую структуру общества, способ мышления людей, их мировоззрение, идеологию, их умственную деятельность и т. д.». Плеханов убежден, что «классовая борьба, острота которой зависит от степени противоречий между производительными силами и производственными отношениями, является главным двигателем социального прогресса». В то же время, однако, он высказывает предположение, что диктатура пролетариата, о которой писал Маркс, никогда не осуществится — ни сейчас, ни в будущем. И приводит в защиту своего тезиса следующие аргументы. Численность пролетариата, которому нечего терять, начнет сокращаться (и это в общем соответствует сегодняшней действительности), а на первое место по численности и по роли в общественном производстве выйдет интеллигенция. Плеханов не сомневается, что интеллигенция в ближайшем будущем перестанет быть «прислужницей» буржуазии и превратится в особый класс, который будет стремительно расти, будет совершенствовать производительные силы, разрабатывая новые машины, новые технологии, и формировать высокообразованных рабочих. Рост роли интеллигенции приведет, согласно Плеханову, к смягчению классовых противоречий. Связано это с тем, что таким категориям, как мораль, справедливость, гуманность, культура, право, особенно близким интеллигенции, содержательно присущи два аспекта — «обобщающий» и «классовый». Роль классового будет постепенно снижаться, а роль обобщенного, общечеловеческого — повышаться.

В результате, по мысли Плеханова (как явствует из «Завещания»), капитализм может медленно и безболезненно умереть сам, для чего потребуется как минимум столетие, а возможно, и не одно. При этом лозунгом новых поколений революционеров должно стать установление «влас-

— ГРЕЦКИЙ Мицкій Ніколаевич — ведучий научный сотрудник Института философии РАН, профессор, доктор философских наук.

ти трудящихся». Она характеризуется в «Завещании» как коалиция всех живых сил, которым дороги интересы рабочего, крестьянина и интеллигента. В документе присутствует схема перехода общества к социализму (кстати, сами публикаторы текста выразили сомнение в том, что эти фрагменты действительно принадлежат Плеханову). Такой переход должен совершаться в три этапа путем постепенной (и, по-видимому, добровольной) замены капиталистической собственности социалистической. Сразу оговоримся, что мысли, высказанные Плехановым, — это итог, к которому пришли, задумываясь над перспективами социалистического переустройства общества в XX веке, западноевропейские социал-демократы — ученики и последователи Маркса и Энгельса. Плеханов действительно мог в своих размышлениях двигаться в этом направлении, но факты свидетельствуют о том, что ему не хватило времени и информации, чтобы осмыслить новые процессы в общественной эволюции России и Европы, начавшиеся в последние годы Первой мировой войны. Да и для западноевропейской социал-демократии, создавшей в 20-е годы признанные ныне классическими образцы теоретического осмысления процессов становления государственного социализма, национализации, социализации, многое прояснилось только некоторое время спустя, когда трагические итоги ее теоретических дискуссий подвел фашизм.

Скажу теперь и о том, в чем не могу согласиться с Плехановым «Завещания», даже представленным столь модернизаторски. Во-первых, он нигде не говорит о том, что было и остается главным для буржуазии, а именно — о необходимости располагать огромными денежными средствами, для того чтобы построить завод, оснастить его станками, нанять рабочих, выпустить продукцию и т. д. Именно отсюда проистекает антагонизм между буржуазией и рабочими, сохраняющийся и в 20-е годы, как сохраняется и теперь. Конечно, ситуация за 80 лет изменилась. Рабочие ныне получают больше, но и буржуазия стала богаче. Антагонизм «рабочий—буржуазия» сохраняется до тех пор, пока сохраняется сам капитал.

Во-вторых, численность интеллигенции действительно выросла, увеличилась ее роль в жизни общества — и в России, и в мире в целом. Но почему она должна перестать служить буржуазии, если это служение является для большинства ее представителей единственным источником материального и финансового благополучия? Совершенствование производительных сил, разработка новых машин, новых технологий и пр. — все это отнюдь не означает, как мы ежедневно наблюдаем, что классовые противоречия смягчаются. Скорее даже наоборот, поскольку буржуазия все это оплачивает, покупает. Что же касается таких категорий, как мораль, справедливость, гуманность, то что-то не заметно возрастания в них обобщенного, общечеловеческого содержания или, во всяком случае, оно не очень-то сказывается на развитии общества в плане гуманизации современного социума.

В-третьих, картина медленной и безболезненной смерти капитализма очень напоминает добрую сказку. Совершенно непонятно, почему капитализм должен сам собою умереть. В конечном итоге в «Завещании» признается, что у буржуазии предстоит отобрать средства производства; это неизбежность, которая должна свершиться, но при условии, что процессы экспроприации будут совершаться медленно и постепенно и, по-видимому, с согласия самих буржуа. Как подвести к этому буржуазию, в тексте не разъясняется. Стоит ли после этого рассуждать, обращаясь к потомкам, о мировых войнах, о все возрастающих возможностях физического уничтожения противника, даже если это целые народы; стоит ли говорить об опасности атомного и всех других видов оружия, если его количество (результат современного высокотехнологического производства, в котором максимально задействована «гуманизирующая» наше об-

щество интеллигенция), даже несмотря на гибель социализма, не уменьшается, а все возрастает?

Елена
ПЕТРЕНКО

ВОЛЬНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОДЛИННЫХ ТЕКСТОВ

Сегодня тема социализма в России не очень популярна. В теоретическом плане социалистическая идея интересна прежде всего в плане реконструкции подлинного смысла марксистского учения и его актуальности в постиндустриальную эпоху. С этих позиций я и читала «Политическое завещание».

В нем Плеханов предстает в новой, на первый взгляд не привычной для него роли — роли теоретика, переоценивающего значение научного социализма, марксизма для практики социалистической трансформации общества промышленного капитализма. Уходя из жизни, Плеханов, если следовать тексту «Завещания», находит в себе силы признать правоту Э. Бернштейна, К. Каутского, Р. Гильфердинга, заговоривших уже в конце XIX — начале XX века о необходимости пересмотреть, ревизовать марксизм как теоретическую основу стратегии перехода к новому общественному устройству. Он выделяет три момента, побуждающие его заново осмыслить азбучные истины марксистского социализма. В тексте «Завещания» говорится о том, что «анализ, сделанный в «Манифесте», абсолютно верный для эпохи паровой индустрии, стал утрачивать свое значение с приходом электричества». В результате борьбы рабочих за экономические блага и политические свободы капитализм, да и сам капиталист, стали меняться в лучшую сторону, чего не видят только большевики. Следовательно, крах капитализма — событие отдаленного будущего, «потребуется для этого как минимум столетие», а «диктатура пролетариата в понимании Маркса не осуществится никогда — ни сейчас, ни в будущем», ибо развитие производительных сил в XX веке связано не с пролетариатом, а с интеллигенцией, становящейся в силу этого главной общественной силой.

«Теория Маркса, рожденная в условиях европейской цивилизации, вряд ли станет универсальной системой взглядов» революционеров XX века. Это произойдет потому, что «врастание роли интеллигенции в процессе производства неизбежно приведет к смягчению классовых противоречий». Интеллигенция — носитель общечеловеческих ценностей, а роль этих ценностей в обществе целиком зависит от уровня материального производства, следовательно, общество будет развиваться «поступательно и эволюционно». Именно доминанта общечеловеческих ценностей благотворно скажется на всех слоях общества, смягчит классовые противоречия. «Рамки гуманности, которая в наши дни понимается как система представлений о ценности человека, его блага, его прав, неизбежно расширяются» до понимания необходимости бережного отношения к природе и ко всему живому. Мощное развитие производительных сил поведет к тому, что по своему образованию, уровню культуры «рабочий поднимется до уровня интеллигента. В такой ситуации диктатура пролетариата станет абсурдом». Автор «Завещания» не видит в этом отхода от марксизма. Он «уверен: при таком повороте событий сам Маркс, случись это при его жизни, незамедлительно отказался бы от лозунга диктатуры пролетариата».

Плеханов приходит к выводу, что по мере качественного изменения производительных сил «сложатся новые классы, новые производственные отношения, по-новому будет вестись классовая борьба», идеи гуманизма глубоко проникнут во все слои общества. «Общество, останься оно даже капиталистическим, по сути, научится преодолевать кризисы». Гуманные идеи и мощное производство нейтрализуют процесс пауперизации. «Капитализм — гибкая общественная формация, которая реагирует на социальную борьбу, видоизменяется, гуманизируется» и движется в сторону восприятия и адаптации идей социализма. «Могильщик ему не потребуется». Возможные этапы капиталистической эволюции — «хищнический национальный, хищнический международный, либеральный с элементами демократии, либерально-демократический, гуманно-демократический с развитой системой социальной защиты... Капитализм может умереть сам, медленно и безболезненно... Лозунг новых революционеров? Диктатура интеллигенции? Власть трудящихся...».

Подробно цитируя «Завещание», я хотела бы подчеркнуть некоторые моменты. Представленный текст одновременно мог и не мог написать Плеханов. *Мог*, потому что он принадлежал к поколению марксистских теоретиков, когда еще не существовало законченной марксистской парадигматики социализма, не сложились идеологизированные версии марксизма, сводившие смысл социальной революции в эпоху капитализма к установлению диктатуры партии и партийной бюрократии. *Мог*, потому что российская модернизация виделась ему как путь тех общественно-политических отношений, которые связаны с утверждением принципов экономической и социальной организации индустриальных социумов. Видя в социализме — новом качестве организации общественного целого — средство самоосвобождения человека, Плеханов думал не столько о свержении капитализма, сколько о воздействии организованного рабочего движения на стихию исторического процесса ради проведения социальных преобразований в интересах трудящихся.

Не мог, потому что идеи гуманизации общества и истории, примирения классовых антагонизмов и противоречий, ведущей роли интеллигенции (прежде всего научно-технической) — это идеи, пришедшие в социал-демократическую традицию значительно позже. Поиск в этом направлении начинается в 20-е годы, но концептуально доктрины конвергенции оформляются лишь в первой половине 50-х годов. К пониманию, что и социализм, и капитализм являются формами существования единой — индустриальной цивилизации, а следовательно, неизбежно несут в себе элементы общего, взаимодействуют и взаимно влияют друг на друга, пришли многие теоретики, независимо от своих политических ориентаций. Эти идеи высказали Р. Арон, Ф. Хайек, Г. Веттер, Зб. Бжезинский и др.

В «Завещании» Плеханов высказывает мысли, которые не могли возникнуть у него в апреле 1918 года. Еще не было Гражданской войны, военного коммунизма, нэпа, попыток экспорттировать революцию силами Коминтерна, неудачных попыток социалистических революций в Германии и Венгрии, сталинизма, фашизма, Второй мировой войны, взрывов атомных бомб. Идея диктатуры пролетариата умирала значительно дольше и болезненнее, чем это представляется сегодня. Еще в 1932 году Э. Бернштейн с торжеством говорил о неизбежности скорой победы социализма в Германии (это было за 6 месяцев до прихода Гитлера к власти). Поэтому я думаю, что текст «Завещания» представляет собой вольную интерпретацию некоторых текстов и писем Плеханова последнего года жизни. Например, фрагменты, посвященные критике Ленина, ближе всего высказываниям и аргументам статей тех дней, в них много подлинного плехановского текста.

Но в большей степени меня интересует другое. Почему сегодня вспо-

минают именно о Плеханове? Социалистическая традиция России в лице меньшевиков и эсеров является достаточно сильной в теоретическом плане. Критика ленинизма и сталинизма, национал-большевизма и фашизма, поиск новых путей социалистического обновления России — в центре анализа Л. Мартова, Ф. Дана, В. Чернова, М. Вишняка, И. Церетели. Их исторический опыт богаче, они и их последователи и ученики были современниками событий Гражданской войны, становления сталинизма, фашизма, которые и заставили принципиально по-новому взглянуть на общественную эволюцию в XX веке. По-видимому, дело в том, что Плеханов как теоретик сочетает в своем творчестве два позитивных с точки зрения сегодняшней политической ориентации момента. Во-первых, он социал-демократ; во-вторых, он — за сильную Россию, мощное государство. Плеханов понял значение охранительной функции российской государственности, сыгравшей важную роль в формировании такой сложной геополитической, социальной, экономической целостности, как Россия. При этом он не отрицает приоритетов классового подхода. Но появляется осознание значения «общенациональной задачи»: интересам государства в известной мере и при определенных условиях должны подчиниться и классовые интересы. Акцент на «общенациональном», «государственном» измерении политики — всего лишь оттенок политической мысли Плеханова. Но именно этот оттенок и привлекателен сегодня для движений социал-демократической ориентации в нашей стране, позволяет видеть в плехановских работах аргументы, которые можно использовать в теоретическом обосновании социал-демократической стратегии в современной России.

Эти попытки и настораживают. В «Завещании» идея социализма представлена в становлении, как движение и развитие системы понятий, призванной выразить новый исторический и социальный опыт. Плеханов выступает как теоретик ориентированного на практику социализма, социализма, обращенного к «сегодня», к современности. По сути это глубоко верно. Но дело в том, что современность Плеханова — это современность индустриального общества: его социализм — это индустриальный социализм, главная установка западноевропейской социал-демократии и марксизма-ленинизма (в связи с этим не могу не привлечь внимания к коллективной монографии, посвященной этой теме, «Социализм в перспективе постиндустриализма» (М., 1999)). Для этой социалистической доктрины характерны вера в науку, научно-технический прогресс, стремление к неограниченному развитию производительных сил как условия прогресса общества и гарантии решения социальных проблем. Главная идея индустриального социализма — установление социального равенства, которое должно быть достигнуто за счет роста материального благосостояния трудящихся. Свобода — это свобода от нищеты. Поэтому социальное равенство трудящихся является высшей целью движения.

Сегодня идеи индустриального социализма, безусловно, по-прежнему привлекательны для политической массы российского общества. Но современная ситуация в мире значительно изменилась и усложнилась. Страх перед глобальной экологической катастрофой, разочарование в формализме и отчужденности демократической политики и ее институтов от конкретного человека, непредсказуемость масштаба негативных последствий научно-технического прогресса, трудности модернизации отсталых регионов мира обусловили появление новых версий социализма. В них идеал социального равенства заменяется идеалом свободы. Для достижения свободы важно гуманизировать структуры современного рационализированного капитализма. Но гуманизация связана не с увеличением роли интеллигенции в общественном производстве (как мы читаем в «Завещании»), а с утверждением новых культурных и цивилизационных ориентаций для

общества и человека. Индивид должен освободиться от привязанности к продуктивизму, потребительству, отказаться измерять свою жизнь критериями престижа, власти, богатства. Так он придет к свободе и морали бескорыстия.

Социальное освобождение и эмансипация уже не являются делом рук рабочего класса или интеллигенции; субъектом освобождения является человек как житель, потребитель, представитель определенного этноса, пола. Социализм получает импульс изнутри, из внутреннего мира человека, мира его духовных потребностей и культуры. Индустримальный капитализм стал корректирующей детерминантой в жизни капиталистических стран, но он потерял нравственную, мобилизующую силу. Все-таки социализм традиционно воспринимается прежде всего как идеология освобождения.

Сегодня социалистические постулаты, ценности, идеалы проходят новую стадию саморефлексии; уходит в прошлое представление о человеке, права которого социализм защищает перед государством и собственником, как об исключительно экономическом индивиде, «хомо экономикус». Сегодня социализм ищет новые образы свободы, новое понимание своей освободительной миссии. Это требует взвешенного анализа современных общественных процессов, смелости теоретического поиска, открытости и демократичности дискурса.

В свое время в лице Плеханова социалистическая традиция России пришла к индустрциальному социализму. Забывать об этом нельзя. Но пост-индустриальные реалии современности открывают новые перспективы, рисуют новые образы социалистической стратегии, формируют «другой» социалистический менталитет. Сегодня российской социал-демократии нужна новая философия социализма. Идти к ней придется иным путем, путем, который никак не мог завещать Плеханов.